

КЛУБ НИКОЛАЯ ОЗЕРОВА

Раздел
ведет
Владимир
Перетурин

В эфире Дымарский был одним из самых интеллигентных ведущих. Его мягкая, доброжелательная манера ведения спортивных программ выгодно отличала Наума Александровича от других ведущих. Кроме Дымарского, пожалуй, только Вадим Синявский и Виктор Набутов владели таким обширным словарным запасом, который позволял им избегать штампов и украшал речь. И сейчас, когда я слушаю выступления Наума Александровича на радиостанции «Эхо Москвы» или на «Маяке», мне очень жаль, что его мастерство, опыт и знания не находят себе достойных наследников. Надеюсь, что интервью, которое я взял у этого замечательного журналиста, истинного профессионала, позволит нам хоть немного приобщиться к секретам его мастерства.

— Наум Александрович, помните ли вы свой первый эфирный материал?

— Впервые в радиозфир я вышел в 50-е годы. Это были шахматные новости. Представлял меня слушателям Вадим Синявский. А первый отзыв о моем дебюте я получил от политического обозревателя «Последних известий» Валентина Зорина: «Вы с Синявским выглядели, как два Петрушки, — так тараторили и так дружно представляли себя, что было смешно».

— Большая часть вашей журналистской жизни прошла на радио. Чем она вам запомнилась?

— Радионую жизнь я начал на иновещании, готовившем передачи для радиослушателей за рубежом. В ту пору у меня было два самых памятных интервью. Первое — с маршалом Рокоссовским в День Советской армии, 23 февраля (не помню, какого года). Добиться разрешения на встречу с ним оказалось непросто. Дело в том, что Константин Константинович был не совсем здоров, находился на даче в Барвихе, и врачи к нему никого не допускали. Пришлось уговаривать, доказывать, что материал чрезвычайно важен, так как «пойдет за границу», где внимательно следят за состоянием здоровья легендарного полководца. Меня провели к дому какими-то тайными тропами, и первое, что я увидел в прихожей, были роскошная маршальская шинель и папах. Почему-то они произвели на меня такое сильное впечатление, что и без того сильное волнение уже готово было перерасти в настоящий трепет. Но открылась дверь — и я увидел улыбающегося, немолодого уже, но и в ту пору удивительно красивого человека, очень доброжелательного и простого в общении. Особенно поразило меня то, что он отвечал на мои вопросы на чистейшем русском языке (ведь все знали о его польском происхождении). Беседа получалась интересной и во многом поучительной, любопытно было взглянуть на события войны с точки зрения одного из лучших полководцев, который всегда отличался независимостью суждений. А потом, отложив дела, Рокоссовский пригласил меня выпить чаю. Чай был очень вкусный, настоящий на тра-

вах, пили мы его со знаменитым печенем птифур. Беседа во время чаепития, как и во время интервью, проходила абсолютно на равных. Удивительно, но я ни разу не почувствовал превосходства знаменитого человека!

Другое памятное интервью — это беседа с главным редактором газеты «Известия», а по совместительству — зятем тогдашнего советского руководителя Никиты Сергеевича Хрущева Алексеем Аджубеем. И оно оказалось под угрозой срыва — пробиваться к члену ЦК КПСС и родственнику первого человека в государстве было не легче, чем к легендарному маршалу, тем более что и в этот раз отмечался профессиональный праздник — День печати. Как только я стал налаживать микрофон, Аджубей потребовал принести ему подшивку газеты за 1918 год и начал читать, о чем писали «Известия» в то время, проводя сравнения с современными публикациями, так что разговор вращался вокруг достижений известинцев — по сравнению с 1918 годом.

— Но дальнейшая работа на радио для вас была связана со спортом. В то время спортивное телевидение еще не заняло лидирующих позиций...

— Да, именно радио было первоисточником новостей. Все самое интересное звучало прежде всего в радиозфире. Кроме того, было очень много тематических передач, прямых репортажей с различных соревнований, физкультурно-массовых мероприятий. Думаю, в значительной степени благодаря нашим радиоям миллионы людей начали приобщаться к занятиям физической культурой и спортом. А знаменитые уроки утренней гимнастики Николая Гордеева «учили» буквально все — от мала до велика. Кстати, начинали вести радиозарядку Вадим Синявский и первый диктор страны Ольга Высоцкая, трансляции тогда были организованы из здания Центрального телеграфа. А наши ежедневные «Спортивные дневники», выходившие в 23.00! Ни один мало-мальски интересующийся спортом человек не пропускал их. И еще хочется обратить внимание вот на что. Все мы не просто старались, мы считали,

что обязаны говорить в эфире грамотно, на чистом, правильном русском языке, без стилистических ошибок, штампов, жаргонных словечек, поскольку понимали: нас слушают миллионы молодых людей и мы должны приобщать их не только к спорту, но и к родной культуре, богатству ее речи.

— В 70-е годы была образована Спортивная редакция Гостелерадио — уникальный, на мой взгляд, коллектив, объединивший специалистов и радиного, и телевизионного вещания. Редакция прожила около 30 лет, вы были долгое годы заместителем главного редактора. В чем, по-вашему, заключались особенности, достоинства подобного объединения?

— Нам удалось создать очень профессиональную команду, которая ежедневно «выдавала в эфир» тысячи часов спортивной информации, тематических передач. Мы сумели подготовить десятки отличных комментаторов, которые с равным мастерством могли работать как для телевизионной, так и для радиоаудитории. Многих из них знала вся страна, они были не менее популярны, чем звезды эстрады или кино.

— Вы жили в Америке восемь лет. Там вы тоже занимались спортивным телевидением. Как вам работало за океаном?

— Я работал на русском телевидении и радио вместе с теми, кого наверняка помнят телезрители старшего поколения, — дикторами советского ТВ Валентиной Печориной, Юрием Ростовым, Дмитрием Полетаевым... У нас была очень большая аудитория — русскоязычное население не только США, но и Канады. Особой популярностью

пользовалась передача «Шахматы на все времена», в которой принимали участие гроссмейстеры, уехавшие из СССР: Гулько, Шамкович, Иванов. Русские люди за рубежом с удовольствием смотрели наши программы, мы получали сотни писем.

— А почему вы вернулись?

— Прежде скажу, почему я уехал. Я покинул СССР потому, что перестал ощущать себя здесь нужным, мне запретили выходить в эфир после того, как моя сестра эмигрировала в США. Вернулся я совсем в другую страну, в страну, где я еще могу что-то сделать. Кроме того, вся моя семья живет здесь — сын, внуки, правнук.

— Вот уже полтора года, как вы снова в России. Что изменилось в спортивном теле- и радиозфире?

— Очень мало профессионализма. Речь комментаторов ужасает. Обилие штампов. Единицы умеют брать интервью. Такое впечатление, что нынешних работников спортивных каналов никто ничему не учит, их просто выпускают в эфир прямо с улицы.

— Вы были одним из ведущих спортивной части программы «Время». Сейчас на каждом канале есть своя программа новостей, включающая блок спортивной информации. Как вы оцениваете эти выпуски?

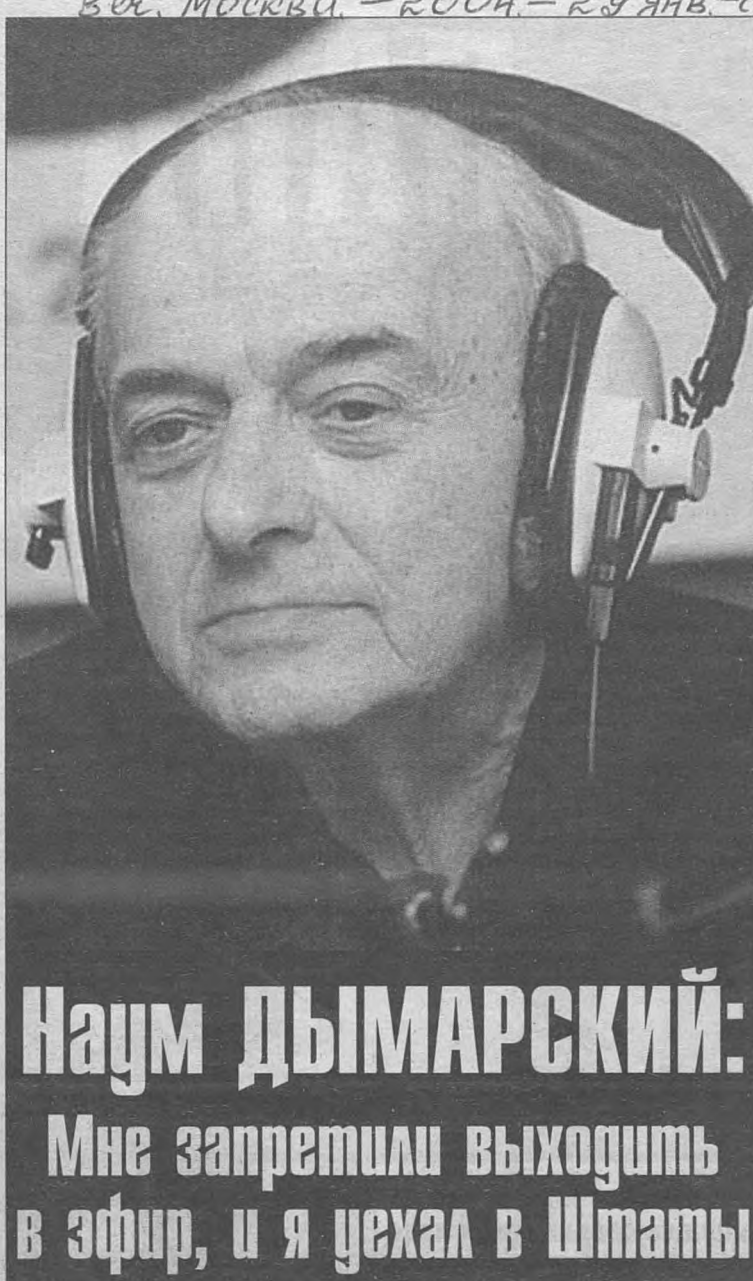
— Прежде всего на первом канале спорт в основном, девятичасовом, выпуске уничтожили, теперь о спорте во «Времени» и не вспоминают, а в информационных передачах на других каналах говорят очень мало. К сожалению, спорта на основных, центральных, каналах почти не осталось.

— Грустная складывается картина. Но, может быть, что-то все-таки радует, вселяет надежду?

— Конечно, мне хотелось бы сказать несколько слов о радиостанции «Маяк», которая отмечает в этом году свое сорокалетие. Я помню, как все начиналось. Идею создания необычного для того времени радиоканала, которую кратко можно было бы изложить в трех словах — музыка, новости, спорт — подсказал главному редактору «Последних известий» Юрию Летунову Александр Николаевич Яковлев, занимавший в ту пору ответственную должность в ЦК. За прошедшие годы «Маяк» не раз пытался изменить, переделать саму схему вещания, навязать ему громоздкие тематические передачи, уменьшить долю спорта в эфире. Я рад, что многое хорошее теперь возвращается и спорту на «Маяке» уделяют все больше внимания.

— Как вы относитесь к созданию «Клуба Озерова» на страницах «Вечерней Москвы»?

— Очень интересная, удачная инициатива. В нашей профессии, в нашем прошлом немало замечательных людей и дел, вспомнить о них очень полезно. Меня многое связывает и с Николаем Николаевичем, и с «Вечеркой». Я 40 лет дружил с Озеровым и долгие годы сотрудничал с «Вечерней Москвой». Моими приятелями были сотрудники газеты Всеволод Шевцов, Герман Колодный. В 1972 году я находился в Рейкьявике на шахматном матче за звание чемпиона мира Спасский—Фишер в качестве корреспондента Гостелерадио и по просьбе главного редактора «Вечерки» Семёна Индурского передавал по телефону отчеты для газеты. Как мне рассказывали потом, выпуски с шахматными новостями из столицы Исландии шли нарасхват. Хотелось бы пожелать «Клубу Озерова» не меньшей популярности.

Наум ДЫМАРСКИЙ: Мне запретили выходить в эфир, и я уехал в Штаты

ДОСЬЕ «ВМ»

Наум Александрович Дымарский. 82 года. Один из старейших членов клуба. В эфире работает с 1949 года. 40 лет сотрудничал на радио. Был собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» и специальным корреспондентом «Литературной газеты». Один из первых ведущих спортивных новостей телепрограммы «Время». Работал заместителем главного редактора спортивной редакции Гостелерадио. С 1994 по 2000 г. — комментатор Русского телевидения и радио США. Президент Федерации шахек СССР в 70–80 гг. Заслуженный работник культуры.